

Вместо предисловия

В сборнике, который вы держите в руках, собраны материалы, подготовленные по итогам работы Круглого стола *«Освоение античной традиции в западноевропейском историописании Средних веков и Раннего Нового времени»*. Он был организован Центром истории исторического знания в октябре 2012 года в Институте всеобщей истории РАН (г. Москва).

Обращение к данной проблематике явилось логическим продолжением работы, начатой в 2010 году на Круглом столе *«Локальные исторические культуры и традиции историописания»*¹. Тогда в поле нашего внимания оказалась проблема формирования локальных традиций в историописании средневековой Европы. Мы стремились понять логику создания исторического текста, а также выявить факторы, оказывавшие влияние на этот процесс. Нас интересовало не столько, *что* было написано о прошлом, сколько *как* и *почему* это было написано в данное время и в данном месте. В ходе дискуссии участники Круглого стола признали существенную роль античного наследия в этом процессе, однако сошлись на том, что данный вопрос требует дополнительного изучения.

Представление о том, что античная традиция активно питала западноевропейскую средневековую культуру, давно стало общим местом в современной науке. Более того, по образному выражению А.Я. Гуревича, обращение к античному наследию только усиливалось по мере отдаления от него во времени. В этом определенно есть своя логика, ведь между каролингским возрождением – первым внятным свидетельством интереса к античности в средневековой Европе, – и общеевропейским Ренессансом XIV – XVI вв. разница огромна. Но, может быть, эта разница лишь только кажется нам столь значительной по той причине, что культура мышления гуманистов нам ближе и понятнее культуры мышления каролингских монахов? Может

¹ Материалы Круглого стола опубликованы в сборнике: *Локальные исторические культуры и традиции историописания* / Отв. ред. А.И.Сидоров. М.: ИВИ РАН, 2011.

быть, на самом деле вторые знали об античности ничуть не меньше первых, просто знали по-своему, иначе, чем люди XV и тем более XXI века?

Этот тезис обретает дополнительное оправдание, когда речь заходит об историописании и – шире, – исторической культуре Средневековья, которая тоже в значительной степени питалась соками античной культуры.

Почти весь пул римских историков, трудами которых наслаждались гуманисты, был собран и широко растиражирован еще в IX в. Сюда же следует отнести древних писателей и поэтов, чьи сочинения также рассматривались в качестве исторических. Однако знакомство с этим наследием происходило неравномерно и разнонаправленно. Одни авторы (например, Светоний) вдруг обретали популярность, а потом уходили в небытие, чтобы спустя несколько столетий с триумфом возвратиться в поле эрудитских и академических штудий. Другие (Юстин, Саллюстий, Вергилий, Лукан, Иосиф Флавий) пользовались стабильно высоким вниманием на протяжении всего Средневековья. Третьи (Тацит, Аммиан Марцеллин), напротив, оказались в поле зрения заинтересованных читателей лишь на его исходе. Почему это происходило?

Очевидно, виной тому не только наличие достаточного количества рукописей или, напротив, отсутствие таковых. Средневековые вчитывались в античность, исходя из своих задач и потребностей. Одно и то же сочинение римского историка осваивалось по-разному читателем IX, XII, XIV или XVI в.

На пороге Нового времени, когда гуманисты обратились к изучению эллинистической традиции, круг античных исторических или историко-литературных сочинений существенно расширился за счет трудов греческих писателей. В свете новых знаний эрудиты стали иначе оценивать и римское наследие.

Думается, было бы ошибкой непременно искать поступательное развитие в этом процессе. Эволюционистская модель сама по себе мало что объясняет. Не лучше ли признать за каждой эпохой свое право на античность? Это право не предполагало непременно восхождения знания от простого к сложному, но скорее представляло собой сложную динамику, определяв-

шуюся конкретными социальными потребностями.

Участники Круглого стола в ИВИ РАН, каждый на своем сугубо конкретном материале, постарались показать, как именно осваивалось античное историческое наследие в разные периоды Средневековья, насколько сложным, противоречивым и нелнейным был этот процесс. В ходе дискуссии обозначился целый ряд ключевых моментов, дающих представление о том, в каком направлении могло бы идти дальнейшее изучение указанной проблематики. Обозначу здесь лишь некоторые и наиболее существенные из них.

Участники Круглого стола сошлись на том, что, прежде всего, необходимо определить круг античных писателей, а также конкретных сочинений, знакомых средневековым читателям в данное время и в данном месте. Круг этот долгое время оставался более или менее стабильным. Однако стабильность не означала ни равномерности распространения, ни одинаковости освоения определенных произведений. Судьба тех или иных текстов представляет собой сложную мозаику, состоявшую из случайностей, персональных амбиций читателей, личных отношений между эрудитами, школьных традиций, библиотечных фондов и еще множества иных сугубо конъюнктурных обстоятельств.

Изучение этого вопроса невозможно без обращения к рукописной традиции отдельных памятников, без выяснения судьбы каждого конкретного манускрипта и понимания того, в каких именно формах и в каком кодикологическом окружении античное сочинение представало перед средневековым читателем. Образно выражаясь, можно сказать, что Средневековье не знало ни Цезаря, ни Саллюстия, но имело дело с десятками *разных* Цезарей и Саллюстиев.

Затем необходимо выяснить, для чего использовалась античная литература. К сочинениям древних авторов обращались по самым разным поводам. Одни читатели стремились продемонстрировать необходимую эрудицию в собственных произведениях, что, в свою очередь, являлось способом их самопрезентации и самоидентификации в конкретном сообществе. Другие черпали в них фактический материал для описания современных реалий. Третьи добывали конкретные знания эрудитского (гео-

графия, этнография, астрономия и пр.), политико-правового или дидактического характера (изучение латинской грамматики и риторики, поиск примеров поведения, достойных подражания или осуждения и пр.).

Далее следует посмотреть, каким образом использовалось античное наследие в средневековом историописании. Здесь нужно обращать внимание на способы и характер цитирования, на заимствование исторических моделей и литературных форм, на подражание им, сознательное или, напротив, не до конца оторефлексированное.

Отдельного упоминания заслуживает проблема формирования критического отношения средневековых читателей к сообщениям древних авторов. Раннесредневековые эрудиты не позволяли себе негативных оценочных суждений, не искали ошибок в сочинениях античных писателей. Явный перелом намечается где-то в XII в. Образованные читатели Высокого Средневековья активно *сравнивают* тексты, делая выбор в пользу одних и отказываясь от других. Более того, нередко обосновывают свой выбор. Такая рефлексия дает исследователю ценнейший материал для понимания общей логики эволюции отношения средневековых людей к античному наследию.

Статьи, представленные в сборнике, охватывают самые разные аспекты освоения античной традиции в Западной Европе между IX и XVI вв. В поле зрения исследователей оказались принципы отбора и правила работы средневековых эрудитов с сочинениями древних писателей, условия и обстоятельства распространения памятников античного историописания, способы и формы цитирования, соотношение римских и греческих текстов, переосмысление христианского античного историописания, бытование античных элементов (сюжетов, событий, героев) не только в историописании, но в исторической культуре Средневековья, в целом. Мы уверены, что эта работа непременно будет продолжена.

Александр Иванович Сидоров